

ПОЛИТОЛОГИ О ТИПАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В СТРАНАХ ВОСТОКА

ТИПИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье сделана попытка типизировать политические проявления социального протеста в послевоенной истории Японии. Автор выделяет пять типов политически окрашенного социального протеста: идеологический, социально-классовый, проблемно-тематический, консервативный и локальный. Специфика той или иной формы протеста анализируется как с содержательной, так и с формально-организационной точки зрения.

В постбиполярную эпоху идеологический тип социального протеста, который ранее выступал в качестве идейной основы для консолидации оппозиционных политических сил левой ориентации, утратил своё былое значение. По мере разрастания кризиса традиционной корпоративной модели снижается и значимость социально-классового протеста, проявлявшего себя в прошлом как форма давления на власть в пользу активной социальной политики. В современной Японии также слабеет консервативный протест, под которым понимается протест против партии власти в связи с ослаблением её способности учитывать интересы специфических социальных групп, которые традиционно пользовались преимущественной государственной поддержкой.

В то же время всё большую актуальность обретают проблемно-тематический и локальный типы протеста, опирающиеся на относительно широкую социальную базу. Для оппозиционных партий социальный протест представляет не более чем возможность привлечь дополнительные голоса избирателей. Не имея реальных шансов прийти к власти, эти партии используют протестные настроения масс для консолидации своей электоральной базы. Многие избиратели, разочаровавшись в способности партий выразить их интересы в государственной политике, всё чаще отказываются приходить на избирательные участки.

Ключевые слова: социальный протест, консенсус, социально-классовый протест, проблемно-тематический протест, консервативный протест, клиентелистская политика, партикулярные интересы, абсентеизм, система 1955 года, «эффekt маятника».

История социальных протестов имеет в Японии существенную специфику, заметную даже по отношению к большинству стран Восточной Азии со сходной политической культурой. Традиционные формы выражения социального протеста глубоко связаны с особенностями национального характера японцев: их готовности к примирению и поиску паллиативных решений, столетиями отточенной техники согласования позиций.

Консенсусный характер политической культуры, безусловно, не исключает оппозиции. Протестный потенциал реализуется на предварительной стадии принятия решения с помощью различных согласовательных механизмов, например, *нэмаваси*. Кроме того, имеются неписанные правила процедурно-технического характера, призванные если не защитить, то хотя бы «утешить» меньшинства: публичная отставка должностных лиц, принявших несправедливое, с точки зрения меньшинств, решение неукоснительно соблюдаемая негласная договорённость о компенсации или уступках по иным (менее значимым) вопросам и др.

Сложившаяся на протяжении столетий общественная мораль осуждала любое активное проявление недовольства в публичном формате. Конфуцианская этика, которая прививалась на всех этапах социальной лестницы, в качестве высшей ценности провозглашала «гармонию», основанную на изначальной бесконфликтности общества. Общественное устройство уподоблялось иерархически структурированной организации семейного типа, в которой каждый член занимает определённую своим социальным статусом нишу.

Подобный тип социальной организации достиг своего апогея в период Токугава. Строго разделённый на четыре сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы), социум придерживался жёстко регламентированных норм общественного поведения, сводивших к минимуму простор для проявления недовольства. Ущемлённое положение отдельных социальных сословий (прежде всего крестьян, страдавших от непосильных налогов, особенно при неурожае) иногда вызывало протесты, которые в большинстве своём принимали ненасильственную форму и завершались подачей петиции местному удельному князю. «Справедливым» с точки зрения общественной морали было и примерное наказание авторов петиции, в том числе в жёсткой форме – вплоть до казни инициаторов протеста. Однако петицию рассматривали по существу, а виновных наказывали.

Конфуцианская максима изначальной бесконфликтности общества наложила свой отпечаток и на государственное устройство, сформировавшееся в Японии в результате мэйдзийских реформ. Идеология государственного строительства во главу угла ставила представление о том, что японская нация составляет одну большую семью, во главе которой стоит

император – отец нации. Протестующие против государственных порядков позиционировались в общественном сознании как «больные», точнее, не вполне здоровые люди, которых необходимо изолировать от общества «в их же интересах». Это объясняет относительную слабость протестных движений, которые разворачивались под политическими лозунгами со второй половины XIX в. Ни одно из выступлений первой половины XX в. не было направлено против власти императора: «рисовые бунты» 1918 г. – против помещиков, волнения после Великого землетрясения Канто 1923 г. – против корейцев. Выступления справа (предпринятые в 1930-е гг. попытки радикальных военных группировок захватить власть в стране) также не преследовали цель изменить императороцентристскую государственную систему как таковую.

Слабость механизмов политической манифестации политического протеста в постмэйдзийской Японии связана прежде всего с тем, что в результате политической модернизации второй половины XIX в. моноэтническая Япония сложилась как страна с высоким уровнем национальной, конфессиональной, культурной и даже психологической гомогенности, в правовом и морально-этическом отношениях консолидированная под эгидой императора.

Благодаря консенсусному характеру политической культуры в Японии практически не сформировалось ни органов эффективного политического представительства социальных меньшинств, ни диверсифицированной системы адресного учёта их прав. Как указывает российский исследователь С.В. Чугров, громоздкая бюрократическая система склоняла власть к паллиативным и компромиссным вариантам решений, скорее к соединению и сочетанию противоположных мнений, нежели к однозначной точке зрения [1, с. 14]. Традиционная модель политического управления препятствовала кристаллизации политического протеста в виде чётко артикулированных оппозиционных платформ или манифестов, основанных на идентификации меньшинствами своих специфических интересов.

Безусловно, идею бесконфликтности японского общества нельзя абсолютизировать. В историческом прошлом Японии всегда было место для протеста, принимавшего самую широкую палитру форм: от петиционных движений до вооружённых восстаний.

После Второй мировой войны в результате демократизации энергия общественного протеста существенно диверсифицировалась, принимая самые разнообразные формы, в том числе и открыто конфронтационные. Мы предлагаем выделить пять типов социального протеста, лежащих в основе электорального поведения избирателей: идеологический, социально-классовый, проблемно-тематический, консервативный и локальный. Типы протеста отличаются между собой как по содержанию, так и по форме.

■ Политические науки

Автор отдаёт себе отчёт в том, что предложенная типизация протеста является далеко не полной и может проводиться по иным критериям, нежели предложенные в настоящей работе. Тем не менее, данная типизация позволяет выявить специфические черты социального протеста в послевоенной Японии и провести аналогии с другими странами.

Идеологический протест считается классическим типом социального протеста, сложившимся в рамках «системы 1955 года». Линия размежевания сторон проходила по ключевым вопросам внешнеполитической повестки дня:

- глобального противостояния двух систем и ядерного разоружения;
- японо-американского Договора безопасности;
- 9-й статьи конституции;
- легитимности Сил самообороны.

По этим пунктам, носившим, по выражению американского политолога Б. Ричардсона, «квазиидеологический» характер [8, р. 25], в 1960–1980-е гг. противостояли друг другу правящая Либерально-демократическая партия, с одной стороны, и оппозиционные левые партии (прежде всего, Социалистическая и Коммунистическая), с другой. Носителями протестных настроений были, главным образом, городские наёмные работники крупных предприятий, организованные в профсоюзы.

По идеологическим вопросам в японском обществе наблюдался заметный раскол, по-разному проявлявший себя на различных этапах послевоенной истории. Во второй половине 1950-х гг., вплоть до подписания новой редакции Договора безопасности, идеологические вопросы занимали центральное место не только в предвыборной повестке дня, но и в общественном дискурсе, где активно обсуждалась тема поиска Японией дальнейшего пути развития. С начала 1960-х гг., после того, как Япония сделала окончательный выбор в пользу членства в американоцентристской системе, эти вопросы утратили гносеологическую значимость и приобрели скорее конъюнктурное звучание. Они напоминали о себе в связи с актуальными проблемами политической повестки дня, когда протест принимал форму массовых митингов и демонстраций. Наиболее масштабными были акции против вьетнамской войны, против ввоза в Японию ядерного оружия на борту военных судов США, против ядерных испытаний в мире и т.д.

Массовые антиправительственные выступления, организованные профсоюзами и левой оппозицией, воспрепятствовали принятию правительством шагов по ревизии конституции, обретению страной ядерного статуса, проведению программы широкой ремилитаризации и т.д. Вместе с тем идеологический протест в рамках «системы 1955 года» так и не создал реальной альтернативы монопольному правлению ЛДП, которой удавалось неизменно побеждать на

выборах в парламент, хотя нередко (особенно в 1970-е гг.) она проигрывала оппозиции на местных выборах. Политический эффект идеологического протеста проявлялся в учёте общественных настроений при корректировке внешней политики и политики безопасности.

После окончания биполярной эпохи идеологический протест утратил значение идейной основы для консолидации оппозиционных политических сил левой ориентации. Крах мировой социалистической системы вызвал массовое разочарование в идеях социализма. «Идеологические» левые партии либо ушли с политической арены (Партия демократического социализма – ПДС), либо утратили свою идентичность и маргинализировались, как Социалистическая партия Японии – СПЯ, которая в середине 1990-х гг. по соображениям политической целесообразности согласилась признать Договор безопасности и легитимность Сил самообороны. Лишь Коммунистическая партия Японии – КПЯ не изменила своим идеалам.

В основе следующего «классического» типа протеста – протеста социально-классового – лежит противостояние труда и капитала. В Японии субъектом данного протеста выступают широкие слои наёмных работников крупных предприятий, организованных в профсоюзы. Это протест экономического характера, нацеленный на улучшение условий труда, повышение заработной платы, обеспечение достойного уровня социальных гарантий и проч.

В политической сфере социально-классовый протест проявлял себя в биполярную эпоху в форме относительно широкой электоральной поддержки парламентских партий левой части политического спектра – СПЯ, ПДС и КПЯ, которые позиционировали себя в качестве защитников прав трудящихся в их противостоянии с капиталом. Более или менее гарантированный уровень представительства левых партий в парламенте был связан с тем обстоятельством, что их материнской базой служили крупнейшие профсоюзы (Сохё, Домэй, Тюрицу рорэн), объединявшие в своих рядах миллионы наёмных работников. Именно профсоюзно-ориентированный тип организации позволял левым партиям сохранять свою идентичность как значимых политических сил, выражающих протестные настроения масс.

Реальное воздействие социально-классового протеста на сферу государственного управления проявлялось в том, что на протяжении нескольких послевоенных десятилетий Япония постепенно продвигалась в сторону «социального государства», хотя это движение было заметно медленнее, чем в прочих развитых странах. В начале 1960-х гг. зародились, а к середине 1980-х гг. оформились на общенациональном уровне государственная пенсионная система и система медицинского страхования, постепенно формировалось прогрессивное трудовое законодательство, с начала 1990-х гг. стала реализо-

ываться государственная политика в области гендерного равенства, адресной поддержки рождаемости и проч.

Профсоюзцентристский характер организации основных оппозиционных сил заставлял партию власти проводить экономический курс, исходя главным образом из интересов наёмных работников крупных экспорториентированных корпораций. В этом смысле социально-классовый протест носил выраженный «эгоистичский» характер, а его институциональной основой послужили левые парламентские партии, которые обеспечивали политическое представительство интересов относительно узкой прослойки рабочей аристократии, но не всего класса наёмных работников в целом.

В постбиполярный период данный тип протеста утратил своё былое значение в политическом пространстве как форма давления на власть в пользу активной политики в социальной сфере. Этому способствовал кризис традиционной корпоративной модели, ставившей во главу угла принцип социальной гармонии труда и капитала. Сильный удар по этой модели нанесли структурные реформы Коидзуми первой половины 2000-х гг., а также запущенный в 2013 г. вторым кабинетом С. Абэ курс «абэномики», проводившиеся с позиций рыночного фундаментализма и имевшие своим следствием появление нехарактерного для страны феномена социального расслоения. К началу 2010-х гг. из 34 стран ОЭСР Япония вошла в первую десятку худших по индексу Джини [11]. За чертой бедности живут 16% населения, что существенно выше, чем во многих странах Европы [4].

Качественные сдвиги в структуре найма, развившиеся в увеличении доли непостоянных работников (к 2010-х гг. более 30%), классовая и политическая самоорганизация которых намного слабее, чем в среде постоянных работников, способствовали сокращению социальной базы социально-классового протеста. Поэтому начиная с 2000-х гг. этот протест приобрёл латентный характер, а степень его политической институционализации существенно снизилась. Это проявилось, в частности, в нарастании кризисных тенденций в профсоюзном движении, а также в неспособности левых сил получить уровень электоральной поддержки, позволяющий оказывать влияние в высшем законодательном органе страны. Социал-демократическая партия Японии (преемник СПЯ) не смогла оправиться после провального для себя периода 1990-х гг. Демократической партии, которая могла бы претендовать на роль лидера левоцентристской оппозиции, так и не удалось преодолеть аморфность внутренней структуры и выработать чёткую социал-демократическую программу по вопросам социальной политики и трудовых отношений.

Проблемно-тематический протест проявляется в противостоянии социума государственной власти по отдельным проблемам об-

щественного бытия. Если они обостряются или переходят в хроническую стадию, данный тип социального протеста получает импульс для активной политической манифестации.

К проблемам такого рода относятся, например, дискриминация непостоянных работников в частных корпорациях, передислокация военной базы Футэмма на Окинаве и т.д. Примеры последнего времени – развитие атомной энергетики и энергетической отрасли в целом (актуализировавшиеся после аварии на АЭС «Фукусима-1»), либерализация импорта и присоединение Японии к Транстихоокеанскому партнёрству.

Такие проблемы имеют общенациональное значение и касаются интересов широких слоёв населения: фермеров (вопросы аграрной политики, либерализация рынков), непостоянных работников (государственная политика в сфере найма), а в некоторых случаях – и общества в целом (пенсионная реформа, государственная помощь семьям с детьми и проч.). Свою позицию по каждой из актуальных проблем вынуждены обозначать все политические партии страны. Это особенно заметно в период избирательных кампаний, когда оппозиция пытается возбудить критические настроения электората в отношении правительственного курса, в первую очередь в социально-экономической области. Так, ДПЯ одержала в 2009 г. сокрушительную победу над ЛДП, воспользовавшись недовольством избирателей социальными последствиями структурных реформ Коидзуми. Аналогичным образом через три года ЛДП взяла реванш, сделав упор на неспособность демократов выполнить свои популистские предвыборные обещания в социальной сфере.

В отличие от социально-классового протеста, за которым стоят интересы постоянных работников крупных корпораций, проблемно-тематический протест опирается на широкую базу поддержки и имеет в этом смысле надклассовый характер. В современных условиях бывает трудно разграничить проблемно-тематический и идеологический типы протеста. К идеологическому типу социального протеста могут быть отнесены те виды протестных настроений и связанного с ними электорального поведения, которые имеют идеологическую мотивацию и основаны на рудиментах парадигмы биполярности (что характерно для социальной базы поддержки КПЯ и СДПЯ, электорат которой стабильно голосует на выборах против партии власти). В прочих случаях речь может идти о проблемно-тематическом типе социального протеста.

Консервативный протест – это протест некоторых групп населения против партии власти, связанный с существенным ослаблением её способности учитывать при выработке государственной политики их интересы. Такое ослабление представляет собой процесс, протекающий на протяжении нескольких десятилетий и за-

■ Политические науки

ключающийся в постепенном отмирании «плюралистичной» модели политического представительства, которая обеспечивала относительную гармонизацию и гомогенизацию интересов различных социальных групп и их адресный учёт при реализации государственного курса.

Субъектом консервативного протеста являются электоральные слои, неудовлетворённые отказом государства от клиентелистской политики при бюджетном финансировании отдельных государственных проектов: компании, специализирующиеся на освоении бюджетных средств и отдельные регионы.

Округа с депрессивной экономикой получали поддержку центра (в основном в форме масштабных общественных работ) в результате лоббистской деятельности влиятельных депутатов ЛДП, тем создававших себе личную электоральную базу. Основной ареной клиентелистской политики служили средние (полиномиальные) округа, голосование в которых в период «системы 1955 года» было партийно-индифферентным и персонально-ориентированным. Избирательная система давала аграрным и малонаселённым избирательным округам, расположенным в основном в горной местности или на побережье Японского моря, повышенный уровень представительства в парламенте (разница в «цене голоса» избирателей между аграрными и урбанизированными округами достигла к концу биполярного периода более чем двукратной отметки). Именно от этих округов, где ЛДП традиционно черпала «твёрдые» голоса, избиралась в парламент подавляющая часть партийного руководства.

Проводившаяся в 1970–1980-е гг. политика масштабного перераспределения общественного богатства в пользу депрессивных районов обеспечивала относительную равномерность регионального развития. Ставка на эгалитарные принципы социально-экономического развития благодаря синергетическому эффекту превращала в бенефициаров клиентелистской политики слои населения, не получавшие адресной помощи от государства. Как отмечал С. Рид, клиентелистская политика ЛДП побуждала голосовать за неё даже оппонентов, вынужденных считаться с перспективой утраты доступа к государственным ресурсам в случае победы оппозиции. По мнению С. Рида, у многих были основания опасаться, что отказ от поддержки ЛДП может повлечь за собой «возмездие» со стороны правительства [7, р. 359]. Таким образом, консенсус по поводу поддержки партии власти в регионах отчасти носил вынужденный характер и был оборотной стороной безальтернативного характера системы правления ЛДП.

«Систему 1955 года», усреднявшую и обезличивавшую многогранные и разнообразные интересы различных электоральных слоёв путём их фактического подкупа и одновременного запугивания перспективой лишиться имеющихся бюджетных преференций, Б. Ричардсон

называет демократией, ставшей объектом купли-продажи (*bargained democracy*) [8, р. 8]. В действительности речь идёт о многоуровневой системе власти, основанной на коммерциализации доступа к властным ресурсам. Другое название этого феномена, предложенное доцентом Корнуэльского университета Ш. Мартин – *формализованный плюрализм* (*patterned pluralism*) [6, р. 84], то есть плюрализм, загнанный в жёсткие рамки и не допускающий самодеятельности при реализации политического выбора даже в тех случаях, когда интересы политических акторов имеют многоплановый и гетерогенный характер. Такая модель противопоставляется *программируемой модели демократии* (*programmatically democracy model*) [8, р. 9] британского образца, в рамках которой политическое размежевание проходит главным образом по программно-идеологическому принципу.

Наряду с высокой степенью зарегулированности японской экономики, модель *формализованного плюрализма* обеспечивала высокий уровень защиты партикуляристских интересов различных слоёв населения. Личностный элемент электоральной политики ЛДП позволял наладить механизмы обратной связи с избирателями и предотвращал появление массового социального недовольства. К тому же ЛДП позиционировала себя в качестве надклассовой и общенациональной политической силы, способной защитить права самых разных социальных групп – в оборот прочно вошёл тезис о «партии-универмаге», предлагающей избирателям «товары» на любой вкус. ЛДП фактически срослась с государственно-бюрократическим аппаратом, сформировались мириады точечных связей, частично интитуционализированных, частично неформальных, но ориентированных на её единоличное правление.

Существовало определённое «разделение обязанностей» между правящей партией и правительством в том, что касается восприятия, согласования и реакции на протестные настроения меньшинств. ЛДП делала ставку на вовлечённость в различные клиентелистские сети своих депутатов, входящих в различные группы интересов и лоббистские группировки *дзоку* [5, р. 213]. Партия могла гибко и оперативно реагировать на индивидуальные запросы и петиции, причём шанс их авторов быть услышанными зависел от того, насколько весомой позицией в партии обладал депутат, к которому они адресовались. Напротив, правительство предпочитало иметь дело не с индивидуумами или небольшими группами, а с формальными институтами, в первую очередь с профильными экономическими и профессиональными ассоциациями, которые служили традиционным механизмом консолидации мнения своих членов в диалоге с властью [2, с. 200–202].

В итоге в стране сложилось своеобразное разделение обязанностей между политиками и бюрократами: политики выражали местные

партикуляристские интересы, а бюрократия – общенациональные. Следует признать, что из-за доминирования в системе принятия решений бюрократического центра возможности для имплементации интересов меньшинств были ограниченными, а их носители не обладали действенными рычагами влияния на государственную политику.

С началом постбиполярной эпохи описанная выше система стала разрушаться. Реформа 1994 г. передала формирование и принятие бюджета партийным органам, подорвав влияние депутатов. Распад клиентелистских сетей ослабил эффективность традиционной системы электоральной мобилизации, значение «твёрдых голосов» в итогах общенациональных выборов существенно снизилось. К тому же в связи с переходом японской экономики на стадию постиндустриального развития произошло сокращение бюджетных доходов. Поддерживать привилегии округов-получателей бюджетных средств, от которых прежде избирались депутаты-тяжеловесы, и которые обладали «сверхпредставительством» в парламенте, оказалось невозможно.

Закат клиентелистской политики начал сказываться на электоральной ситуации в стране уже в конце биполярной эпохи. В конце 1980-х гг. Ассоциация сельхозпроизводителей *Дзэнто* отказалась поддерживать ЛДП на выборах в верхнюю палату парламента после того, как правительство ЛДП под давлением США пошло на частичное открытие рынков цитрусовых и снижение пошлин на мясо [9, р. 38], что способствовало победе на выборах СПЯ. Бесспорно, свою лепту в смену власти в стране в 2009 г. внесли те социальные слои, которые почувствовали себя ущемлёнными в результате структурных реформ Коидзуми. Эти реформы существенно сократили масштабы помощи малому и среднему бизнесу, особенно зависимому от адресной бюджетной поддержки. Укрупнение муниципальных образований в ходе муниципальной реформы нарушило традиционные клиентелистские сети «центр – регионы», основанные на учёте «особых интересов» местных округов.

Эти изменения создали условия для консервативного протеста, связанного с отлучением того или иного избирательного округа (а также того или иного корпоративного сегмента) от адресного государственного финансирования. Важным фактором консервативного протеста стало ослабление традиционных механизмов учёта интересов меньшинств, которые обеспечивали плюралистический характер системы политической власти даже в условиях монополярного правления одной партии.

С одной стороны, утратили былое влияние или вообще ушли с политической арены левые партии, предоставлявшие меньшинствам альтернативные механизмы для манифестации их интересов. С другой стороны, в парламентской повестке дня стали доминировать вопросы об-

щественного значения в ущерб партикулярным интересам меньшинств. Необходимость апелляции к широким слоям электората после введения мажоритарной системы сказалась на «усреднении» программ основных политических акторов – «системных» партий ЛДП и ДПЯ. Утрата персонально-ориентированного характера электоральной политики привела к тому, что партии поменялись местами с точки зрения опоры на традиционные социальные слои: ДПЯ укрепила позиции в сельских округах, а ЛДП стала активно набирать голоса в городах [7, р. 363].

За отсутствием существенных различий между манифестами основных политических партий в голове избирателя возник «когнитивный диссонанс», связанный с тем, что приходилось выбирать не между программами, а между виртуальными имиджами партий, создаваемыми в медиа-пространстве. Разочарование в политике системных партий и утрата доверия к политическим лидерам привели к тому, что часть избиратели склонилась к абсентеизму. Другие избиратели сознательно голосовали в малом округе за партию «третьего полюса» или за одну из малых, не имеющих политического влияния, партий, кандидаты которой почти не имели шансов пройти в парламент [9, р. 357].

Конечно, трудно назвать такой образ действий протестом в его классическом понимании. Консервативный протест выражается в негативном (по отношению к власти) электоральном поведении, но не в активном социальном бунтарстве. Тем не менее, если мы говорим о массовом недовольстве, подобное электоральное поведение может быть трактовано как форма протеста, социально и политически значимого, невзирая на его пассивный характер. Эту особенность консервативного протеста в полной мере использовала в 2000–2010-е гг. ЛДП, электоральная политика которой базировалась на негативной мотивации избирателей: не проголосуйте за нас – лишитесь бюджетной поддержки.

Последней, пятой формой является локальный протест. Он возникает вокруг отдельных вопросов или тем, актуальных именно для данного региона (местности, округа). Борьба разворачивается в основном на местном уровне, однако нередко «прорывается» на общенациональную политическую сцену. Зародившись в форме локальных выступлений, некоторые виды протеста с течением времени приобрели общенациональную значимость. К таковым относятся, например, движение на Окинаве против американских военных баз [3]; выступления против возобновления работы атомных энергоблоков на АЭС, расположенных в данной местности и замороженных после фукусимской аварии; движение буракуминов за свои права в местах их компактного проживания. Массовое недовольство центральной властью в конкретном регионе, связанное с какой-либо проблемой местного значения, активно используется региональными партиями,

■ Политические науки

которые нередко побеждают на муниципальных выборах и получают существенное представительство в местных законодательных собраниях. Так, партия «Гэндзэй Ниппон», возглавленная мэром города Нагоя Т. Кавамура, возникла под лозунгом снижения налогов на фоне повышения ставки потребительского налога, и получила на выборах с городскую ассамблею Нагоя 12 мест из 75. Уместно вспомнить и об избрании в одном из мажоритарных избирательных округов префектуры Окинава на выборах в нижнюю палату парламента 2014 г. кандидата от КПЯ, который строил свою избирательную стратегию, используя недовольство окинавцев государственной политикой по вопросу о передислокации базы Футэмма.

Итак, мы попытались обобщить социальный протест, проявлявшийся в послевоенной Японии. Интересно сравнить субъектную базу различных его типов. Субъектами политического протеста в первых двух случаях (идеологический и социально-классовый протесты) выступает электорат левых партий и профсоюзов,

в четвёртом случае (консервативный протест) – традиционный электорат «системных партий» (ЛДП и ДПЯ), в пятом (локальный протест) – местная общественность. Что касается третьего типа протеста (проблемно-тематического), то его носителем являются широкие слои населения без привязки к определённой политической партии или идеологии (см. табл. 1).

Безусловно, предложенная выше схема не безупречна, поскольку многие формы социального протеста могут быть одновременно причислены к разным его типам. Так, например, протест против передислокации американской базы Футэмма на Окинаве имеет основания быть типизированным и как «проблемно-тематический», поскольку затрагивает внешнеполитическую тематику, и как «локальный» (права окинавцев).

Какова эффективность социального протеста в современной Японии? Как писала Ш. Мартин, реальная степень влияния избирателей на политику определяется следующими показателями:

Таблица 1.

Проявления социального протеста в политической сфере Японии послевоенного периода

Тип протеста	Суть протеста	Субъект	Формы проявления	Актуальность
Идеологический	Против позиции власти по ключевым вопросам международно-политической повестки дня	Наёмные работники средних и крупных предприятий, организованные в профсоюзы, составляющие базу поддержки левых партий	Противостояние «консервативных» и «реформистских» сил в парламенте по вопросам внешней политики. Давление на власть путём организации массового движения протеста.	Утратил идеологическую подоплеку после окончания холодной войны. Для КПЯ и СДПЯ сохранил актуальность в качестве средства электоральной мобилизации масс
Социально-классовый	Противостояние труда и капитала	В основном наёмные работники средних и крупных предприятий, организованные в профсоюзы	Противостояние оппозиции и партии власти по вопросам социальной политики и трудового законодательства в той степени, как он затрагивает интересы постоянных работников. Давление на власть вне стен парламента: «весенние наступления», митинги, забастовки и проч.	Остаётся актуальным, но постепенно ослабевает по мере обострения кризиса традиционной корпоративной модели управления в сфере трудовых отношений и сокращения доли постоянного найма
Проблемно-тематический	Общественное противостояние по отдельным вопросам внутренней социально-экономической повестки дня (АЭС, права местной автономии, закон о защите государственной тайны, вступление страны в ТТП и проч.)	Широкие слои электората (без привязки к определённой партии)	Противостояние оппозиции и партии власти по широкому спектру проблем общественного развития. В ходе общенациональных выборов в парламент находится в центре предвыборных платформ всех политических партий. Активно проявляет себя вне стен парламента	С течением времени приобретает по некоторым позициям всё более острый характер, формируя политическую повестку дня в парламенте
Консервативный	Протест против отказа государства от проведения клиентелистской политики	Традиционный электорат ЛДП	Носит исключительно электоральный характер. Проявляет себя в ходе выборов в парламент в протестных формах электорального поведения	Утрачивает значимость по мере сужения сферы клиентелистской политики и сокращения её социальной базы
Локальный	Против политики властей в данной местности (избирательном округе)	Местный электорат (региональные партии, парламентские, в основном, левые партии, НПО)	Проявляется в данной местности в ходе местных и общенациональных выборов в открытых формах общественного протеста	Сохраняет актуальность в ограниченных масштабах

Источник: составлена автором.

- отражает ли распределение мест в парламенте после выборов соотношение между головами, поданными за ту или иную партию;
- отражают ли мнение избирателей данные экзитполов;
- отражают ли программные или идеологические предпочтения парламентских партий взгляды избирателей [6, р. 85].

Если существует большой разрыв между предпочтениями избирателей и партиями, субъективно избиратели оценивают свою способность воздействовать на исход выборов как незначительную. Принципиальную значимость приобретает вопрос, в какой степени японские политические партии могут служить выразителями протестных настроений своих избирателей.

В отличие от большинства западных стран, политические партии Японии – это не массовые организации, а объединения депутатов парламента. Правда, у «системных» партий, помимо аппарата управления, есть массивы первичных организаций. Однако последние, как правило, имеют ограниченное право голоса в решении партийных дел и зачастую служат личным амбициям отдельных политиков, нередко (как в случае ЛДП) составляя базу поддержки отдельных депутатов.

После проведения избирательной реформы и последовавшего за ней распада клиентелистских сетей связь граждан и партийного руководства, которая традиционно осуществлялась через депутатов парламента, оказалась нарушенной. Основные цели японских политических партий, являющихся сугубо парламентскими организациями, сконцентрированы в сфере электоральной политики и заключаются в первую очередь в успешном проведении избирательных кампаний. В этом смысле социальный протест представляет для них не более чем возможность привлечь дополнительные голоса избирателей, критикуя действующую власть (если речь идёт об оппозиции) и предлагая в качестве «наживки» обещания по устранению причин такого протеста («предвыборные манифесты»).

Не имея реальных шансов прийти к власти, оппозиционные партии используют социальный протест для самоидентификации в качестве выразителей интересов «униженных и оскорблённых» и для консолидации своей электоральной базы. В рамках «вязкого парламента» оппозиция может пусть не заблокировать, но существенно затормозить процесс прохождения через парламента правительственных законопроектов. Это заставляет партию власти во многих случаях идти навстречу требованиям оппозиции.

Рост абсентеизма на выборах свидетельствует об отсутствии интереса граждан к политике в целом и политическим партиям, в частности. Обратная связь партий с избирателями слишком слаба. Она ограничивается периодом проведения выборов и материализуется в электоральном поведении, основанном на эмоционально мотивированной позиции: соответствует ли имидж пар-

тии и её лидеров субъективным предпочтениям избирателя. Утрата функции связующего звена во взаимоотношениях между обществом и властью не позволяет партиям быть в курсе проблем, вызывающих общественное недовольство, и стать выразителями общественного протеста.

Следует вспомнить, что в свете особенностей смешанной избирательной системы современной Японии значимость социологии протеста возрастает. Часть избирателей, недовольных действующей властью, приходит на избирательные участки именно для того, чтобы наказать правящую партию за «неподобающее поведение». В условиях мажоритарной системы такое протестное голосование создаёт своего рода «эффект маятника»: даже небольшие флуктуации общественного мнения немедленно приводят к резким изменениям в раскладе сил в парламенте и даже смене власти, что убедительно продемонстрировали парламентские выборы 2005, 2009 и 2012 гг.

Ограниченность обратной связи с избирателями приводит к росту авторитаристских тенденций в политике. Неудачи прошлых администраций, проявленная ими нерешительность создают, как уже отмечалось, массовую апатию и утрату интереса к политике, и одновременно – спрос на сильную личность авторитарного характера. С точки зрения партийного строительства, удар по клиентелистской системе привёл к снижению роли фракций внутри ЛДП, а также усилению власти партийных лидеров, которые стали проводить свой политический курс авторитарными методами.

В современных условиях стиль руководства премьер-министра С. Абэ образца 2013–2015 гг. отличается от сложившихся в японском политическом мире стереотипов: по многим вопросам он принимает решения единолично, не согласовывая, как это было принято, свои решения с партийным руководством и лидерами внутрипартийных фракций, не говоря о прочих парламентских партиях. Нередко действия кабинета Абэ противоречат и общественным ожиданиям. Например, решения правительства о возобновлении, несмотря на широкое общественное недовольство, работы атомных станций, о присоединении Японии к переговорам о вступлении в ТТП, что, бесспорно, наносит удар по традиционным слоям, поддерживающим ЛДП – фермерам, врачам, фармацевтам и т.д. Можно вспомнить и о решении кабинета Абэ реализовать, вопреки общественному мнению, план перевода базы Футэмма в отдалённый район острова Окинава.

Существенный потенциал политического протеста кроется в том, в Японии отсутствует партия социал-демократической ориентации. Социал-демократическая альтернатива общественного развития в Японии востребована в свете слабого, в сравнении с прочими странами Запада, состояния общенациональной системы социальных гарантий – пенсионного,

■ Политические науки

медицинского страхования и проч. По мере старения населения общественный запрос на систему социальной защиты существенно возрастает. Определённые ожидания в этом смысле были связаны с Демократической партией Японии, программа которой отличается от либерал-демократической лишь в вопросах социальной политики. Именно предвыборные обещания ДПЯ построить эффективную социальную систему, направив на неё дополнительные бюджетные доходы, полученные от повышения потребительского налога, принесли этой партии победу на выборах 2007–2009 гг.

Однако реальные итоги правления ДПЯ оказались разочаровывающими. Ввиду отсутствия надёжных источников финансирования в социальной сфере им удалось добиться лишь повышения детских пособий. Это создало в обществе эффект обманутых ожиданий и существенно усилило протестный потенциал.

В результате на прошедших в 2012–2014 гг. общенациональных выборах избиратели не оказали решающей поддержки ни ДПЯ, ни партиям «третьего полюса», которые в их глазах не представляли действенной альтернативы ЛДП. Достигнутый Партией обновления на выборах 2012

г. успех не получил своего развития на всеобщих выборах 2014 г., где эта партия смогла имеющийся уровень представительства только удержать с большим трудом. Таким образом, проект партии «третьего полюса» – политической альтернативы двум системным партиям, – аккумулирующей накопленный в обществе протестный потенциал, так и не состоялся. Единственным бенефициаром роста протестных настроений оказалась КПЯ, на выборах 2014 г. увеличившая своё представительство в нижней палате парламента с 8 до 21 места.

Значительная часть избирателей предпочла не приходить на избирательные участки, чтобы не отдавать свой голос на общенациональных выборах 2009–2012 гг. за ЛДП. В период с августа 2002 по март 2010 г. процент избирателей, не поддержавших ни одну из парламентских партий, колебался от 23 до 51% [6, р. 85]. Таким образом, протестные настроения не находят каналов для своей политической манифестации, о чём свидетельствует небывалый уровень абсентеизма на парламентских выборах. Именно абсентеизм выступает в последние годы в качестве одной из основных форм протестных настроений в обществе.

Список литературы

1. Политическая система современной Японии. М., Аспект-пресс, 2013. 384 с.
2. Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., МАКС-пресс, 2002. 304 с.
3. Banasick S. Globalization, Social Protest and the Militarized Landscape of Okinawa. *Enterprizing Words / A Geographic Perspective on Economics, Environments and Ethics*. Springer, 2006. Pp.177–190.
4. Compare your country. Income distribution and poverty [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.compareyourcountry.org/inequality#> (дата обращения: 13.07.2015).
5. Fujimura N. The influence of electoral institutions on legislative representation: Evidence from Japan's single non-transferable vote and single-member district systems / *Party Politics*. 2015. Vol. 21(2). Pp. 209–221.
6. Martin S.L. The Influence of Voters. *The Routledge Handbook of Japanese Politics*. Routledge, 2011. Pp. 81–91.
7. Reed S., Scheiner E., Thies M.F. The End of LDP Dominance and the Rise of Party-Oriented Politics in Japan. *Journal of Japanese Studies*. 2012. Vol. 38(2). Pp. 353–376.
8. Richardson B. *Japanese Democracy: Power, Coordination and Performance*. Yale University Press, 1997. 326 p.
9. Scheiner E. The Electoral System and Japan's Partial Transformation: Party System Consolidation Without Policy Realignment / *Journal of East Asian Studies*. 2012. No.12. Pp. 351–379.
10. Statistics. Society at a Glance. 2014. Income inequality [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/sites/soc_glance-2014-en/05/01/index.html (дата обращения: 13.07.2015).

Об авторе

Стрельцов Дмитрий Викторович – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

CLASSIFICATION OF SOCIAL PROTEST IN CONTEMPORARY JAPAN

D.V. Streltsov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author makes an attempt to classify the political manifestations of social protest in postwar Japanese history. The author identifies five types of politically orchestrated social protest: ideological, socio-class, problem centered, conservative and local. The specificity of concrete forms of protest is analyzed from the points of view of their substance and organization.*

After the end of the cold war the ideological type of social protest which had earlier played the role of the ideological basis for the consolidation of the left opposition political forces, loses its initial driving force. The aggravating crisis of the traditional corporate model decreases the significance of the social-class protest which had been an instrument of pressure over state power in favor of an active policy in the social sphere/ Also diminishing in the present-day Japan is the conservative protest as a public dissent against the ruling party caused by weakening of its ability to take into account the interests of specific social minorities that had traditionally been prioritized by state support.

Meanwhile the problem-centered and local types of protest are gaining more importance in today's Japan as they rely on a relatively broad social support.

For the opposition parties social protest is nothing more than an opportunity to attract additional votes. Lacking any real chance of coming to power, these parties use mass protest mood for the consolidation of their electoral base. Many voters, disillusioned with the ability of political parties to extrapolate their opinion on the sphere of public policy decision-making, become more and more inclined not to come to the polls at all.

Key words: social protest, consensus, social-class protest, problem-centered protest, conservative protest, clientelistic policy, particular interests, absenteeism, 1955 year system, «the pendulum effect».

References

1. Politicheskaja sistema sovremennoj Japonii. [The Political System of Contemporary Japan] M.: Aspekt-press, 2013. 384 p. (In Russian).
2. Strel'cov D.V. Sistema gosudarstvennogo upravlenija Japonii v poslevoennyj period [The System of State Administration in Postwar Japan]. M.: MAKSp-press, 2002. p. 200–202 (In Russian).
3. Banasick S. Globalization, Social Protest and the Militarized Landscape of Okinawa. *Enterprising Words / A Geographic Perspective on Economics, Environments and Ethics*. Springer, 2006. Pp. 177–190.
4. Compare your country. Income distribution and poverty. Available at: <https://www.compareyourcountry.org/inequality#> (accessed 13.07.2015).
5. Fujimura N. The influence of electoral institutions on legislative representation: Evidence from Japan's single non-transferable vote and single-member district systems. *Party Politics*. 2015. Vol. 21(2). Pp. 209–221.
6. Martin S.L. The Influence of Voters. *The Routledge Handbook of Japanese Politics*. Routledge, 2011. Pp. 81–91.
7. Reed S., Scheiner E., Thies M.F. The End of LDP Dominance and the Rise of Party-Oriented Politics in Japan. *Journal of Japanese Studies*. 2012. Vol. 38(2). Pp. 353–376.
8. Richardson B. *Japanese Democracy: Power, Coordination and Performance*. Yale University Press, 1997. 326 p.
9. Scheiner Ethan The Electoral System and Japan's Partial Transformation: Party System Consolidation Without Policy Realignment. *Journal of East Asian Studies*. 2012. No.12. Pp. 351–379.
10. Statistics. Society at a Glance. 2014. Income inequality. Available at: http://www.oecd-ilibrary.org/sites/soc_glance-2014-en/05/01/index.html (accessed: 13.07.2015).

About the author

Dmitri V. Streltsov – Doctor in History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, MGIMO-University.
Email: d.streltsov@inno.mgimo.